

в Воткинске – 15629¹. Население данных промышленных центров можно разделить на две основные категории: к первой принадлежали люди горного и военного ведомств, непосредственно занятые на производстве (мастеровые, оружейники, неперенные, урочные работники) или получавшие содержание от предприятия (чиновники, нижние чины, духовенство, учителя, врачи, полиция, воинская команда), ко второй – лица, не принадлежавшие ведомству завода (купцы, мещане, крестьяне, дворовые, отставные солдаты и прочие «вольнопровоживающие»). Основной этнический компонент Ижевского и Камско-Воткинского заводов составляли русские. По данным на 1859 г., в Ижевске русские насчитывали 20554 чел. (95,4 %); остальная доля приходилась на удмуртов (424 чел., 2,0 %), татар (456 чел., 2,1 %), евреев (37 чел., 0,2 %), иностранных подданных (68 чел., 0,3 %)². Аналогично в Воткинске в 1854 г. насчитывалось русских 12931 чел. (99,5 %), татар – 55 (0,4 %), удмуртов – 9 (0,1 %)³. Удмурты – коренное население региона – были заняты в основном на вспомогательных работах. По 9-й ревизии, в 54 приписных к Ижевскому заводу селениях насчитывалось 11466 неперенных работников, из них 6138 (или 53,5 %) были удмуртами⁴. Среди урочных работников Камско-Воткинского завода, проживавших в Сарапульском уезде в 1855 г., напротив, русские составляли большинство (11783 чел., 95,7 %)⁵. Соответственно, по конфессиональной принадлежности жители Ижевска и Воткинска делились на православных, единоверцев, старообрядцев, мусульман, иудеев, католиков, протестантов, язычников. Православие – государственную религию – исповедовало подавляющее большинство (более 95,0 % населения); старообрядцы и единоверцы составляли до 2,0 % обывателей. В числе мусульман (татар и башкир) были мастеровые, нижние воинские чины, полковые ученики, духовенство. Иудаизм исповедовали рядовые подвижных инвалидных рот, западные ветви христианства – иностранные специалисты, а язычество – небольшое число ижевских марийцев.

Семейные традиции основной массы горнозаводского населения – русского православного, по определению С. В. Голиковой, были однотипны с общерусскими [Голикова: 2005, С. 32], но различ-

ные этноконфессиональные группы населения, проживавшие в горнозаводских округах, разумеется, придерживались собственных обычаев. Этническая и конфессиональная специфика семейных традиций народов Камско-Вятского региона достаточно подробно исследована сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН [Библиографический указатель: 2011; Удмуртская Республика: 2012; Удмуртский институт: 2016], поэтому в данной статье представляется целесообразным уделить внимание семье горнозаводского населения в контексте его взаимоотношений с горнозаводской администрацией.

Функцию регулирования матримониальных отношений в Российской империи в XVIII–XIX вв. выполняла духовная и светская власть: определялись правила формирования и расторжения союза, способы решения внутрисемейных конфликтов и т.д. Православие как государственная религия, которую исповедовало большинство населения, способствовало унификации брачных норм в пределах страны. «По существу, православная вера освящала и регламентировала всю жизнь человека от рождения и до смерти. Церковь организовывала и личную жизнь людей путем строгого нормирования семейно-брачных отношений... Церковное законодательство в сфере семейного права было введено в ранг государственных законов...», – пишет Е. М. Берестова [Берестова: 2005, С. 49]. Духовенство ведало вопросами брачного возраста, законности союза, времени проведения свадеб. Препятствиями к женитьбе (замужеству) считались кровное или духовное родство, наличие живого супруга, душевные болезни; основаниями для развода – прелюбодеяние, лишение гражданских прав, безвестное отсутствие супруга в течение пяти лет, монашество. В течение жизни разрешалось жениться (выходить замуж) не более трех раз. На проживавших без венчания налагалась епитимия [Миронов: 2000, Т. 1, С. 161].

Особенности внутрисемейных отношений в крестьянской, городской и дворянской среде Российской империи XVIII–XIX вв. достаточно подробно анализировались Б. Н. Мироновым. Исследователем было доказано, что крестьянская семья в тот период представляла собой родственный и хозяйственный союз, основанный на разделении труда по половозрастному принципу; глава домохозяйства распоряжался коллективной собственностью (за исключением приданого); иерархия выстраивалась по полу и возрасту (дети и женщины находились в подчиненном положе-

¹Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), Ф. 4. Оп. 1. Д. 1257. Л. 55об.–56; Ф. 212. Оп. 1. Д. 7400. Л. 56об.

²ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1261. Л. 137–137об.

³ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 6670. Л. 43.

⁴ГАКО, Ф. 582. Оп. 56. Д. 127. Л. 2.

⁵ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 6719. Л. 41.

нии); дети участвовали во всех домашних работах и рано выросли. В городской семье отношения регулировались не только обычаями, но и законом: женщины обладали имущественными правами, существовала защита внебрачных детей. В дворянских семьях молодые супружеские пары, как правило, жили отдельно от родителей, но родственные связи формировались на тех же принципах иерархизма, всевластия главы семьи, господства общесемейных интересов, зависимости прав и обязанностей от пола и возраста, а эмоциональная привязанность между родителями и детьми была малой. В целом, по мнению Б. Н. Миронова, в изучаемый период в семьях разных сословий преобладали патриархально-авторитарные отношения [Миронов: 2000, Т. 1, С. 267].

На Урале, как писали И. П. Мокеров и А. И. Кузьмин, «формирование промышленного населения... в условиях крепостного права положило начало преобразованию традиционной патриархальной крестьянской семьи в особый строй семейных отношений, присущий горнозаводскому населению...» [Мокеров, Кузьмин: 1990, С. 13]. В индустриальных центрах муж являлся добытчиком денежных средств, а жена занималась домашним хозяйством и воспитанием детей; выдел сыновей, обладавших некоторой экономической самостоятельностью, происходил по воле родителей и был относительно легким; незаконнорожденных и подкидышей охотно принимали в семьи; в решение семейных конфликтов вмешивалась местная администрация [Голикова, Миненко, Побережников: 2000, С. 147–151].

В заводских селениях Камско-Вятского региона инициатива знакомства зачастую принадлежала молодым людям, поэтому браки по любви или симпатии не были редкостью. Например, дочь госпитального сторожа Камско-Воткинского завода А. Ажерелкова вышла замуж за соседа – мастерового Л. Безрукова «без всякого со стороны родителей, свойственников и посторонних людей принуждения, настоятельных убеждений и советов, а по единой собственной склонности к нему...» (впрочем, это не помогло молодой паре в дальнейшем избежать семейных ссор¹). Но окончательное решение о брачном партнере, как правило, принимала семья [Голикова: 2001, С. 30].

На бытовом уровне существовало отрицательное отношение к сожительству. К примеру, вдо-

¹Ссоры начались вскоре после свадьбы, в итоге свекор выгнал молодоженов из дома, и они снимали квартиру, а затем молодая супруга решила приворожить мужа, едва не отравив его. См.: ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 2255. Л. 2, 6, 7, 9, 13, 24, 28–29.

ве неперенного работника д. Старые Фертики Камско-Воткинского горного округа, жившей без брака с отставным унтер-офицером, односельчане во время помочи задавали неудобные вопросы: «Чья она жена?». Ее ответ – «Все мы Божьи и государевы» – спровоцировал конфликт (ругань, перебранку). По итогам следствия 1820–1821 гг. на пару была наложена церковная епитимия и запрет совместного проживания².

Права и обязанности членов семьи в среде горнозаводского населения также дифференцировались по полу и возрасту: мужчины трудились на производстве, женщины вели домашнее хозяйство (готовили пищу, шили одежду, ухаживали за огородом, скотом и т.д.) и воспитывали детей, которые, в свою очередь, помогали родителям, учились в заводских школах (при их наличии), а затем поступали на завод. Глава домохозяйства распоряжался всем имуществом: в неразделенных отцовских (и братских) семьях в общем пользовании находились дом со «службами», скот, луга, в личном – одежда и проч. Так, после смерти неперенного работника Ижевского завода П. Соловьева, проживавшего в д. Пазелы, его сыновья – «оба брата с матерью жили в одном неразделенном приобретенном стариком доме, пользуясь тоже нераздельно хлебом, лошаадьми, коровами, овцами и прочим скотом; но прочим имением и вещами, как-то: шубами, зипунами, рубахами и вообще ношебным платьем были уже разделены и пользовались друг от друга порознь каждый, как своей собственностью...»³. Изменение семейной структуры (взросление детей, их переход в категорию трудоспособных и вступление в брак), расширение индивидуальной собственности членов семьи, как правило, приводили к отделению молодых пар, тем более, например, в Ижевске в соответствии с распоряжением заводского правления 1843 г. каждый житель имел право отвести место под дом для взрослого сына⁴.

В семье дети получали базовые знания, умения и навыки. Воспитание в первую очередь было направлено на приобщение молодого поколения к труду. И семья, и заводское начальство были заинтересованы в приучении детей к домашнему хозяйству, заводской работе и обучении грамоте. По педагогическим представлениям XIX в., домашнее воспитание ребенка начиналось с колыбели, но до трех – четырех лет представляло собой простое «воскормление». На следующем этапе основное внимание уделялось развитию нрав-

²См.: ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 2247.

³ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 497. Л. 2–2об.

⁴ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1433. Л. 46об.

ственности, которое, по мнению Министерства народного просвещения, «должно быть выведено не из начал Науки, почерпнутых из образования ума, но из того чистого и живительного источника, из которого проистекает всякая премудрость – из Религии». Поэтому, с официальной точки зрения, в базовые знания обязательно должны были входить Закон Божий (чтобы «в детском сердце созидать величественное здание Православной нашей Церкви»), а также русский язык (т.к. «знание языка Отечественного есть для народа святая обязанность» и «напрасно стали бы мы искать на чуждых языках форм для выражения понятий Православной нашей Веры, Правления и Народности»), арифметика, география, история (объясняющая, что «человек, вне сомкнутого круга гражданственности, скрепляемого Верою, – ничто, и всем должен жертвовать благу общему»), искусство (пение, музыка и рисование), гимнастика, а для девочек, которых готовили к «настоящему назначению женщины», к семейной жизни, – хозяйство и рукоделие¹.

В горнозаводских округах основные цель и задачи обучения (подготовка рабочих кадров предприятий) определялись «Проектом Горного положения для управления заводов хребта Уральского» 1806 г.: «Горный начальник обязывается строго наблюдать, чтоб воспитание юношества по школам достигало своих предметов, чтоб образование ума было соединено с образованием сердца» (§ 530), а школьные предметы в соответствии с «Предварительными правилами народного просвещения» от 24 января 1803 г. наставляли «в благонравии, в обязанностях к Государю, правительству и ближнему, и вообще в должностях человека и гражданина» (§§ 531, 534) [Проект: 1806, С. 193–195].

Несмотря на заботу о подрастающем поколении, «малолеть», по причине занятости родителей заводской и домашней работой, нередко оставались без присмотра, что могло привести к несчастному случаю. Чаще всего дети тонули в водоемах, как, например, П. Жданова – дочь пудемского крепостного². Гибель в Ижевском заводе двухлетнего сына мастерового, утонувшего в яме с водой, побудила инспектора оружейных заводов в 1837 г. издать приказ не оставлять малолетних детей без наблюдения: «Как подобные

несчастья встречаются нередко с детьми, оставляемыми родителями без присмотра, а еще более на улицах, или дворах и огородах, то для отвращения таковых случаев на будущее время... предложить гг. командирам заводов подтвердить всем состоящим в ведомстве их лицам, имеющим на своем попечении малолетних детей, дабы они не оставляли их без... присмотра и всемерно удаляли от того, что может быть для них опасным...»³.

С течением времени роли менялись, и уже выросшие дети заботились о постаревших родителях. Так, сын воткинского мастерового Б. Куимова, получившего в 1858 г. производственную травму, с разрешения горного начальника был исключен из разряда заводских служащих для ухода за отцом⁴. Бессемейные могли проживать в заводских богадельнях (при наличии таких заведений), но их численность была незначительной. «В богадельню поступает мало людей потому, что почти все заводские убогие или престарелые люди находятся на проживании в семействах...»⁵, – отмечал в 1857 г. командир Ижевского завода.

Общее имущество домохозяйства передавалось следующим поколениям либо делилось вследствие изменения структуры семьи. Права наследования в XIX в. были закреплены Сводом законов Российской империи 1832 г. Согласно кодексу, дочери получали 1/14 часть недвижимого и 1/8 движимого имущества, остальное распределялось поровну между сыновьями. Сводные дети не имели прав на приданое мачехи или собственность отчима; незаконнорожденные, как «объекты социальной стигматизации» [Голикова: 2015, С. 23–28], исключались из дележа наследства. Усыновленные дети наследовали купленное, а не родовое имущество. Вдовы имели право на получение 1/7 доли недвижимого и 1/4 движимого имущества умершего супруга. Закон разрешал составление завещаний, но при этом считались недействительными завещания, сделанные умалишенными, монахами, самоубийцами, несовершеннолетними и лишенными прав состояния⁶. В казенных горнозаводских округах Уставом горным вводились дополнительные ограничения: «домообзаводство», устроенное на государственное пособие, возвращалось в казну в случае смерти или миграции отставного мастерового из завода, но сохранялось пожизненно, если вышедший в отставку рабочий оставался в заводском поселке (§ 250) [Свод: 1842, С. 77].

¹Об умственном образовании детского возраста // Вятские губернские ведомости. Отдел второй. Часть неофициальная. 1846. № 33. С. 216–217; № 35. С. 230–231; № 36. С. 235–236; № 37. С. 240–242; № 38. С. 249–252.

²Местные известия. Происшествия по Вятской губернии // Прибавление к № 38 Вятских губернских ведомостей. 1844. 16 сентября. С. 222.

³ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 50. Л. 272.

⁴ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 7252. Л. 6–7.

⁵ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1135. Л. 2–2об.

⁶ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 6050. Л. 2.

Раздел собственности нередко сопровождался имущественными спорами, решением которых занималась заводская администрация. Так, наследство упомянутого ранее ижевского непрямого работника П. Соловьева было распределено между его вдовой Акулиной, сыном Владимиром и снохой Василисой (вдовой умершего второго сына Марка). Деревянный дом «связью» с двумя жилыми избами, двумя амбарами, сараем, малой избой и прочими строениями (ценой в 350 руб. ассигнациями), 5 лошадей, 6 коров, 6 телят, 25 овец, 30 куриц, 5 свиней и 500–600 пудов ржи остались в общем пользовании. Движимое имущество (вещи, деньги, продукты) было оценено в 947 руб. и разделено между родственниками в соответствии с действующим законодательством¹.

Воткинскому непрямому работнику И. Федорову, как единственному наследнику мужского пола, достались дом и покос. Со временем хозяйство пришло в упадок, дом был продан, семья снимала квартиру и жила подаяннем, покосы сдавались в аренду. В дальнейшем И. Федоров переехал к зятю (мужу сестры) Л. Щекотеву и отдал ему часть покоса. Но последний стал единолично распоряжаться сеном со всего луга, что вызвало недовольство бывшего владельца. В итоге следствие встало на сторону Л. Щекотева, т.к. он содержал родственников жены².

В Камско-Воткинском горном округе Никите и Ивану Евдокимовым родители завещали жить вместе в одном доме, состоявшем из двух изб под одной крышей. Спустя 8 лет младший брат женился и выгнал старшего, сломав его избу (по мнению Ивана, родители оставили Никите только лошадь, корову и посуду). Священник не смог примирить братьев, и заводское начальство постановило «развести их по разным местам»³.

После смерти воткинского мастерового Н. Трошкова остались дом со «службами» (600 руб.) и покос (200 руб.). Это имущество следовало разделить между его детьми (два сына и две дочери), причем старший женатый сын из-за ссор покинул дом еще при жизни отца и своей доли не получил. В итоге сестрам было выделено по 57 руб. 30 коп., а братья договорились о совместном проживании⁴.

Ижевский мастеровой П. Потапов был трижды женат, и в каждом браке рождались дети. Старший сын получил надел еще при жизни отца, а в отношении остальных наследников решение

пришлось принимать заводской администрации. Вдове (третьей жене) с детьми оставлен дом «связью» с хозяйственными постройками (две жилые избы, соединенные сенями, сеномет, баня и амбар). Сыну от второго брака назначена законная доля, но деньги до его совершеннолетия переданы на хранение в правление завода. Кроме того, детям, дому и имению выбраны опекуны из благонадежных мастеровых⁵.

Избегать семейных конфликтов помогала практика составления завещаний. Например, крепостная крестьянка Омутнинского завода П. Ф. Голубева оставила имущество сыновьям Василию и Тимофею на следующих условиях. Один из братьев, по договоренности между ними, должен был остаться в родительском доме, а второй с помощью брата построить или купить собственное жилье. Каждый из них получил по одной корове и одной лошади; сенные покосы у р. Каменки делились поровну; распределялись сундуки, посуда, одежда (одному – тулуп, кафтан, сарафан и шаль, другому – шубу, азиям, сарафан и шаль) и проч.⁶ Сыновья вступили в наследство 13 июня 1854 г.: старший Василий остался в отцовском доме со «службами» и огородом (располагался «на углу» около заводской площади), младший Тимофей переехал на другую сторону заводского пруда, по р. Омутной, в дом, купленный братом у крепостного крестьянина М. А. Мохова. Исполнение духовной завершилось обменом документами: Тимофей передал Василию завещание матери, а Василий Тимофею – купчую на дом Мохова⁷.

Ижевский мастеровой Л. С. Липатников старших детей (сына и 5 дочерей) наделил деньгами в период их женитьбы и замужества, поэтому в завещании от 9 апреля 1858 г. указал только последнюю дочь Авдотью, которой оставил дом с усадьбой в Нагорной части завода, стоимостью 137 руб. серебром. Вступив в 1860 г. в наследство, Авдотья продала дом мастеровому Г. Васильеву за 142 руб. 85 коп.⁸ Иногда часть имущества по духовной могла передаваться священнику той или иной церкви «на помин души»⁹.

Помимо действующего законодательства, в горнозаводских округах Камско-Вятского региона функционировало обычное семейное право, основанное на традициях и моральных нормах. В частности, по закону приемные дети не могли получить свою долю собственности, если в фор-

¹ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 497. Л. 3–5об.

²См.: ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 821.

³См.: ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 2898.

⁴См.: ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 4655.

⁵ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 431. Л. 7–9об.

⁶ТАКО, Ф. 496. Оп. 2. Д. 69. Л. 41–41об.

⁷Там же, Л. 40–40об., 44.

⁸ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1316. Л. 40–40об., 42–43.

⁹ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 343. Л. 9.

мулярных списках не значился факт усыновления. Тем не менее взятые на воспитание «малолеты», как правило, содержались на правах родных детей, вели общее с усыновителями хозяйство, отдавая жалованье в семью и рассчитывая быть включенными в наследство. Так, в 1842 г. мастеровой Ижевского завода Д. Е. Иванов подал прошение на Высочайшее имя с просьбой о получении права наследования. В младенчестве он был усыновлен своим дядей, на протяжении 35 лет жил в его доме и весь заработок (жалованье ученика заводской школы, доход от подрядов на поставку мяса госпиталю) вносил в общий капитал семьи. Свидетели подтвердили, что дядя относился к племяннику как к сыну, предоставил ему право управления домохозяйством, доверял в торговле и не мог оставить без наследства. Но факт усыновления документально не подтвердился, поэтому после смерти дяди его жена включила в завещание только родных детей (т.к., по мнению тети, Д. Е. Иванов был воспитан на средства семьи и жил на всем готовом)¹.

В сложных жизненных обстоятельствах (материальные трудности, смерть одного или обоих родителей и т.п.) семья могла отказаться от ребенка. Сирот и незаконнорожденных содержали как родственники (дяди, тети, старшие братья и сестры), так и посторонние. Например, в 1824 г. мастеровой Камско-Воткинского завода С. Крупнов отдал своего ребенка с условием сохранения фамилии; жена переведенного на Златоустовские заводы мастерового М. Быстрова передала на воспитание своего незаконнорожденного сына мастеровому Е. Комову²; ижевский полицейский будочник Н. Крюков предоставил полиции подписку о передаче своего четырехлетнего сына Алексея «в дети» мастеровому В. Злобину³. Ижевский мастеровой Н. Крупин в 1846 г. принял к себе племянников, детей неперменного работника, с правом наследования и с переводом их в категорию кантонистов. Правление Ижевского завода согласилось с его ходатайством, «чтоб оставшихся после умершего родственника его неперменного работника... Максима Никифорова Пушина двух сыновей Федора первого 14-ти и Федора второго 9-ти летних перечислить в заводские контанисты⁴ к его семейству, предоставляя к сему причину то, что... мать означенных мальчиков, хотя и вышла в июне месяце 1844 года в замужество за другого неперменного работника починка Русской Каз-

¹ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 461. Л. 7–8об., 13–16, 21–22.

²ЦГА УР, Ф. 212. Оп. 1. Д. 3095. Л. 4–4об., 7–7об.

³ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1459. Л. 1–2.

⁴В тексте сохранено написание, которое было применено в цитируемом фрагменте использованного источника.

маски Михайла Ефимова Шемякина, но как он преклонных уже лет и состояние имеет весьма бедное, то... вышеозначенных двух мальчиков содержать не может, да и надежды к улучшению своего состояния не имеет, при чем Крупин объяснил, что он одного из тех мальчиков... с давнего времени содержит при себе из сожаления этих сирот, ибо жена его умершему работнику Пушкину родная сестра, пропитывает и одевает его на свой счет, при том же он, Крупин, по неимению своих детей делает этих мальчиков наследниками своего имения...»⁵.

Нормы морали предписывали членам семьи скромное, кроткое поведение, уважение и повиновение старшим и домовитость. Плохое выполнение заводской работы, лень, пьянство и мотовство, отсутствие почтения к родителям вызывали у заводских жителей порицание, а также становились причиной возбуждения следственных и судебных дел. По семейным конфликтам (ссорам, прелюбодеяниям, побоям, неумышленным убийствам, доведениям до самоубийства) обычно решения принимало духовенство, проводя беседы или назначая покаяние [Берестова: 2005, С. 66]. Дополнительно за нравственным обликом мастеровых и предотвращением «дурных поступков» следила заводская полиция⁶, которая могла назначить телесные наказания (розги). На Ижевском и Камско-Воткинском заводах действовали военно-судебные комиссии, в компетенции которых находились более серьезные проступки. Военный суд за постоянное пьянство, прогулы, «поношение родителей ругательными словами», кражи, грабежи, убийства, поджоги, нанесение тяжких телесных повреждений наказывал шпицрутенами и мог выслать виновных в арестантские роты⁷.

В целом можно отметить, что семья в среде горнозаводского населения в изучаемый период представляла собой родственный и хозяйственный союз, в котором обязанности делились по половозрастному принципу (глава распоряжался коллективной собственностью, мужчины были заняты на производстве, женщины – в домохозяйстве, детей обучали труду: мальчиков готовили к заводской работе, девочек – к семейной жизни), а отношения регулировались и обычаем, и законом. Нормирование брачно-семейных отношений осуществлялось религиозным и светским законодательством. Духовенство ведало вопросами заключения и расторжения матримониального

⁵ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1459. Л. 13–14об.

⁶ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 215. Л. 69–70.

⁷См., напр.: ЦГА УР, Ф. 4. Оп. 1. Д. 1490, 1500, 1688, 1776; Ф. 212. Оп. 1. Д. 767, 1089, 1097, 1565.

союза, регулировало семейные конфликты. Имущественные споры решались на основе действующего законодательства Российской империи и обычного семейного права. При этом в горнозаводских округах в решение конфликтов активно вмешивалась заводская администрация, включая местную полицию и суд.

водских округах в решение конфликтов активно вмешивалась заводская администрация, включая местную полицию и суд.

Список литературы

1. Берестова Е. М. Православная церковь в Удмуртии (вторая половина XIX – начало XX века): Социально-культурная деятельность. Ижевск, 2005. 232 с.
2. Библиографический указатель трудов УИИЯЛ УрО РАН. 1931–2011 гг. Ижевск, 2011. 376 с.
3. Гаврилов Д. В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв. : избранные труды. Екатеринбург, 2005. 616 с.
4. Голикова С. В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: Жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования : автореферат дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2005. 46 с.
5. Голикова С. В. Парадоксы восприятия незаконнорожденных детей в имперский период: объекты социальной стигматизации и общественного презрения (конец XVIII – начало XX вв.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. : сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. С. 23–28.
6. Голикова С. В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001. 196 с.
7. Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX в.). М., 2000. 261 с.
8. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск, 2004. 552 с.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2-х т. СПб., 2000. Т. 1. 547 с.
10. Мокеров И. П., Кузьмин А. И. Экономико-демографическое развитие семьи. М., 1990. 102 с.
11. Проект Горного положения для управления заводов хребта Уральского. СПб., 1806. 378 с.
12. Свод уставов: монетного, горного и о соли. II. Учреждения и уставы горного управления // Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 7. С. 55–486.
13. Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки. Ижевск, 2012. 288 с.
14. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН: 85 лет исследований. Ижевск, 2016. 360 с.

Сведения об авторе

Васина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук». Ижевск, Россия.
tatjasch@mail.ru

Magistra Vitae.

2018. No 1. P. 169–176.

FAMILY TRADITIONS OF THE MINING FACTORIES POPULATION IN THE KAMA-VYATKA REGION IN THE CONTEXT OF RELATIONS WITH THE FACTORIES ADMINISTRATION IN THE PRE-REFORM PERIOD

T. A. Vasina

*Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russia.
tatjasch@mail.ru*

The author analyzes family relations in the mining districts of the Kama-Vyatka region in the pre-reform period; a case study of some state and private factories of the mining and military departments (the Izhevsk, Votkinsk, Omutninsk and Pudem factories). The research is based on the documents of the regional archives (the Central State Archives of the Udmurt Republic and the State Archive of the Kirov Region). The author

analyzes the following aspects: the correction of family relations by the factories administration, the education of children, the care of children and the elderly, problems of household property inheritance. The article gives examples of family property conflicts. The study concludes that the family was a kindred and economic union in the given period, family relations were regulated by custom and law, the factories administration took an active position in solving family disputes.

Keywords: *the Kama-Vyatka region, population of the mining factories, family, household, inheritance rights, conflicts.*

References

1. Berestova E. M. (2005) *Pravoslavnaya tserkov' v Udmurtii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka): Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost'* [Orthodox Church in the Udmurtia (second half of the XIX – beginning of the XX century): Socio-cultural activities]. Izhevsk, 232 p. (in Russ.).
2. *Bibliograficheskiy ukazatel' trudov UIIYaL UrO RAN. 1931–2011 gg.* (2011) [Bibliographic index of the UIHLL UB RAS. 1931–2011]. Izhevsk, 376 p. (in Russ.).
3. Gavrilov D. V. (2005) *Gornozavodskoy Ural XVII–XX vv.: izbrannye trudy* [The mining plants of the Ural in the XVII–XX centuries: selected works]. Ekaterinburg, 616 p. (in Russ.).
4. Golikova S. V. (2005) *Kul'tura gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII–XIX vv.: Zhizneobespechenie, ritualy, religioznye verovaniya* [Culture of the mining population of the Urals in the XVIII–XIX centuries: Life support, rituals, religious beliefs]. Ekaterinburg, 46 p. (in Russ.).
5. Golikova S. V. (2015) *Paradoksy vospriyatiya nezakonnorozhdennykh detey v imperskiy period: ob'ekty sotsial'noy stigmatizatsii i obshchestvennogo prizreniya (konets XVIII – nachalo XX vv.)* [Paradoxes of perception of illegitimate children in the imperial period: objects of social stigmatization and public charity (the end of the XVIII – early XX centuries)], in: *Chelovek v usloviyakh modernizatsii XVIII–XX vv.* [Individual in the conditions of modernization of the XVIII–XX centuries]. Ekaterinburg, pp. 23–28 (in Russ.).
6. Golikova S. V. (2001) *Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII–XIX vekov: demograficheskie protsessy i traditsii* [Family of the mining population of the Urals in the XVIII–XIX centuries: demographic processes and traditions]. Ekaterinburg, 196 p. (in Russ.).
7. Golikova S. V., Minenko N. A. and Poberezhnikov I. V. (2000) *Gornozavodskie tsenry i agrarnaya sreda v Rossii: vzaimodeystviya i protivorechiya (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Mining centers and agrarian environment in the Russia: interactions and contradictions (XVIII – first half of XIX century)]. Moscow, 261 p. (in Russ.).
8. *Istoriya Udmurtii: Konets XV – nachalo XX veka* (2004) [History of Udmurtia: The end of the XV – the beginning of the XX centuries]. Izhevsk, 552 p. (in Russ.).
9. Mironov B. N. (2000) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of the Russia during the period of the empire (XVIII – early XX century.): The genesis of the individual, democratic family, civil society and the rule of law]. St. Petersburg, Vol. 1, 547 p. (in Russ.).
10. Mokerov I. P. and Kuz'min A. I. (1990) *Ekonomiko-demograficheskoe razvitie sem'i* [Economic and demographic development of the family]. Moscow, 102 p. (in Russ.).
11. *Proekt Gornogo polozheniya dlya upravleniya zavodov khrebtu Ural'skogo* (1806) [The draft Mining Regulations for the management of the factories of the Ural Ridge]. St. Petersburg, 378 p. (in Russ.).
12. *Svod ustavov: monetnogo, gornogo i o soli. II. Uchrezhdeniya i ustavy gornogo upravleniya* (1842) [Code of the monetary, mining and salt statutes. II. Institutions and charters of the mountain management], in: *Svod zakonov Rossiyskoy imperii* [Code of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Vol. 7, pp. 55–486 (in Russ.).
13. *Udmurtskaya Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* (2012) [Udmurt Republic: historical and ethnographic essays]. Izhevsk, 288 p. (in Russ.).
14. *Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN: 85 let issledovaniy* (2016) [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences: 85 years of research]. Izhevsk, 360 p. (in Russ.).